

УДК 316

ББК 60.5

Ш733

С. Ф. Шмидт
Иркутск, Россия

ВУЗОВСКИЕ ГУМАНИТАРИИ В ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ: ПРАКТИКИ И СМЫСЛЫ

В статье представлены результаты исследования различных видов профессиональной, экспертной, медийной и гражданской активности, осуществляемой преподавателями-гуманитариями иркутских вузов за пределами вузовской среды. Автор исследует мотивацию этой активности, смыслы, которые вкладывают в нее сами факторы. Автор предлагает типологию университетских гуманитариев, проявляющих активность во вневузовском пространстве. Исследование осуществлялось на основе глубинного интервьюирования.

Ключевые слова: гражданская активность, гуманитарии, медийная деятельность, социальные практики, социология образования, экспертная деятельность

S. F. Schmidt,
Irkutsk, Russia

PUBLIC ACTIVITIES OF THE UNIVERSITY HUMANITARY DISCIPLINES INSTRUCTORS: EXPERIENCE AND SIGNIFICANCE

The article presents the results of the research of different kinds of non-academic professional, expert, media and civic activities of Humanitary disciplines instructors. The author studies the motivation of these activities, their factors and significance.

The author presents the classification of Humanitary disciplines instructors that are active outside the university. The research was based on detailed interviewing.

Key words: civic activity, Humanitary disciplines instructors, media activity, social practices, sociology of education, expert activities.

Целью исследовательской работы, проделанной на материалах ряда интервью и взятых у тех, кто будет именоваться в тексте университетскими гуманитариями (преподавателей-ученых гуманитарных факультетов двух иркутских вузов), было исследование практик и смыслов «парапрофессиональной деятельности» университетских гуманитариев, осуществляемой ими в т.н. «публичном пространстве». Деятельность эта в той или иной степени направлена на получение публичных результатов, то есть результатов, которые могут затрагивать широкий набор общественных групп. Заметим, что, по сути, речь идет о деятельности, внутренне ориентированной на получение определенного общественного признания (это очень важно для нас в контексте внутренней «интриги» произведенного исследования). Это может быть общественная деятельность, деятельность политическая, экспертная, медийная, творческая.

Заранее оговорим, что даже формально-теневая деятельность университетских гуманитариев в качестве политических консультантов или политических технологов рассматривалась нами (со всеми поправками) как деятельность, осуществляемая в публичном пространстве и нацеленная на публичный результат и публичное признание. Ибо в конечном смысле работа университетских гуманитариев в таком качестве есть работа на политический результат, что по определению предполагает, что такой результат (в силу своей «политичности») затрагивает большие группы людей, то есть является публичным. Эта деятельность, действительно, вроде бы не публична по своему организационному характеру, но, безусловно, она вполне публична по своим последствиям.

Подчеркнем, что коммерческая деятельность (бизнес), а также деятельность образовательная и научно-исследовательская нами не рассматривались. Поче-

му? Бизнес как деятельность, направленная на максимизацию прибыли в рамках узких частных интересов, нам не интересен, поскольку выпадает из данного выше определения деятельности университетских гуманитариев в публичном пространстве. Деятельность образовательная и научно-исследовательская не может рассматриваться как парапрофессиональная, она является продолжением или дополнением к основной (профессиональной) деятельности университетских гуманитариев.

Еще одна базовая характеристика исследуемых нами типов деятельности (за исключением упомянутой «публичной» ее составляющей) — это ее внешний характер по отношению к вузам, вузовской среде, вузовской жизни, то есть, ко всему тому, что является «профессиональной деятельностью» университетских гуманитариев. В отдельных случаях можно отмечать достаточно условную, точнее, неформальную ее связь с профессиональной деятельностью гуманитариев. Именно эта характеристика описывает используемые нами понятия «парапрофессионализма» или «парапрофессиональной деятельности». Итак, под «парапрофессиональной деятельностью» (далее – без кавычек) будет пониматься деятельность университетских гуманитариев, осуществляемая ими за пределами вузовской среды.

Важнейшая **экзистенциальная** характеристика парапрофессиональной деятельности (вокруг чего, собственно, и выстраивалась основная драматургия или интрига исследования) заключается в том, что за этой деятельностью стоит совершенно свободный, самостоятельный выбор университетского гуманитария. Парапрофессиональная деятельность не входит в круг его обязанностей, она не подчинена каким-либо бюрократическим нормативам, по большому счету, она свободна от правил университетского мира, правил научного сообщества. Проще говоря, она представляет собой то, что гуманитарий не должен был делать, то, что он мог бы и не делать. Однако сделал и делает это, исходя из какого-то собственного целеполагания, наделив эту деятельность своими собственными смыслами или выстроив в отношении нее собственные режимы оправдания.

В связи со сказанным, имеет смысл подчеркнуть, что исследование опиралось на двойной проблемно-тематический фокус. С одной стороны, исследовались и в каком-то смысле инвентаризировались сами типы парапрофессиональной деятельности или «практики» университетских гуманитариев во внеуниверситетской среде. С другой стороны, интересовали мотивации, смыслы (значения), «режимы оправдания», а также ценности, которыми оснащают свою публичную деятельность университетские работники. Полушутя, полусерьез участники исследовательской группы именовали это исследовательское измерение «псевдoweберианским».

Исследовательская работа была организована с помощью классических (если не сказать самых банальных) методов качественной социологии: глубинное полуформализованное интервьюирование и включенное наблюдение с последующей коллективной рефлексией полученных результатов. К этой рефлексии привлекались исследователи-практики, не участвовавшие непосредственно в данной исследовательской работе (из числа коллег по Центру независимых социальных исследования и образования). Глубинное интервью рассматривалось нами как основной инструмент извлечения знания о природе изучаемого социального явления (парапрофессиональной публичной деятельности университетских гуманитариев), знания, которое отделялось бы и отличалось бы от представлений самих субъектов изучаемых практик о собственной деятельности и явлении в целом.

Инвентаризация практик

Как было сказано выше, мы предполагали произвести своего рода инвентаризацию самих практик (видов парапрофессиональной деятельности) университетских гуманитариев во внеуниверситетской среде. Эта часть исследования примечательна тем, что в ней подтвердились практически все предварительные гипотезы. Университетские гуманитарии занимаются общественно-активистской, медийной, публично-экспертной (экспертные комментарии в СМИ, участие в «общественных слушаниях» по поводу разных решений власти и т.п.), а также непублично-экспертной (политтехнологическая работа в изби-

рательных кампаниях) деятельностью. Среди них практически нет публичных политиков, минимально участие в выработке реальных управленческих решений различными структурами власти. Так что было принято решение сэкономить на перечислении результатов произведенной инвентаризации практик, остановившись только на одном виде деятельности — экспертном. Почти все информанты отмечали общий декоративный характер коммуникаций между ними и властью. Власть должна обеспечивать некую видимость консультаций с общественностью и университетские гуманитарии более или менее охотно в этом участвуют, не имея особых иллюзий по поводу своей реальной роли в принятии управленческих решений или реального влияния на их принятие.

Кроме того, выявлен интереснейший феномен негласного и никак не формализованного «пула экспертов», представители которого активно задействованы работниками медиа для обогащения новостных сообщений и аналитических текстов «экспертными точками зрения». Применительно к этому «пулу» вполне допустимо использовать любимое гуманитариями объяснение «так исторически сложилось», поскольку строгих закономерностей, описывающих пути попадания в этот «пул» и выпадения из него не существует. Ни профессиональная компетентность, ни фактор лояльности или нелояльности власти не являются определяющими в «медийно-экспертных биографиях». Разве что, как отмечают работники медиа, общая готовность «эксперта» к сотрудничеству со СМИ может быть названа более или менее объективируемым фактором.

Вот несколько фрагментов из интервью, иллюстрирующих данный тезис: Информант с довольно большим капиталом публичности: «Да, много раз, бесчисленное количество раз бывал на всяких круглых столах, организуемых иногда мэрией, иногда Законодательным Собранием. Фрагменты моих выступлений появлялись в газетах. Несколько раз из власти присылали какие-то отчеты или стенограммы этих мероприятий, чтобы я заверил. Ну, я заверял. Они видимо тоже как-то перед кем-то отчитываются – мол, провели встречи с общественностью. Особенно это обостряется в период выборов. Когда Путина выбирали, я много где навыступался. Но был эпизод вроде бы посерьезнее. Предыдущий

губернатор собрался сделать этаким экспертный совет. Меня в него пригласили. Я согласился. Мне даже прислали разработанное, очень обширное положение об экспертном совете. Типа на согласование. Я посмотрел, согласовал, в смысле согласился. Смотрел я по диагонали, в этом бюрократическом языке я мало понимаю. Но губернатор улетел куда-то на международную орбиту¹, все заглохло. Что интересно, когда он уехал, мне сигналили из Серого Дома, что все серьезно, что экспертный совет будет и при новом губернаторе. Но все заглохло. Да я и вижу, что у нового губернатора другой стиль, ему это все не нужно. Он и так область хорошо знает. В отличие от приезжего губернатора, которому надо было начинать с таких вот советов, чтобы слышать хоть какие-то мнения независимых людей, чтобы разбираться в ситуации в области. А он этим закончил, до этого успев такое количество дров наломать, что на всю страну стал известен своими управленческими неудачами».

Фрагмент из интервью с другим информантом, который явно «мучительно» вспоминает прецеденты оказания им реального влияния на лиц, принимающих управленческие решения:

«Ну, я совсем, кстати, забыла, пока я про отдел культуры говорила, я забыла совсем, что я экспертировала, э-э-э, программу культурного развития города Иркутска. Ее можно посмотреть, кстати, на сайте «Возрождение»... Я делала

¹ Речь о губернаторе Иркутской области (2009-2012 гг.) Д. Ф. Мезенцеве и ШОС (Шанхайская организация сотрудничества).

экспертную оценку, у меня, конечно, вызвало там все много нареканий, потому что программы нет». Звучит, впрочем, и определенное сожаление о недовостребованности профессиональной экспертизы. Вот суждение человека с наиболее масштабной, если сравнивать с другими информантами, научной репутацией.

«... я вижу массу потенциальных вот экспертов, которые могли бы принести пользу своими советами, но которые в этом качестве плохо задействованы, потому что не чувствуют своей востребованности. Ну, мне в этом смысле, ну, повезло – не повезло, но мигранты – это вот та тема, которую не обойдешь и не объедешь, да. И которая вышла на первый план, и которая невероятно востребована, и здесь волей-неволей, но ко мне обращаются, даже не потому, что я там хороший специалист, нехороший специалист и прочее, но я какой-то специалист в этой сфере, я этим занимаюсь, пишу, и обойти меня, наверное, невозможно, да. Вот. Но это проблема не моих личных качеств и не моего личного профессионального уровня, да, а это проблема вот ситуации спроса, это проблема, где чиновники видят свою зависимость от этого. А есть масса сфер, где чиновники не видят своей зависимости, вот, и совершенно искренне думают, что они и сами с усами, да, вот, что они могут без экспертов обойтись. Обходятся, конечно, но, в общем, ничего хорошего в этом не бывает, вот, мне кажется». Интересно и проявление общего скепсиса, касающегося самих возможностей эффективной экспертизы от гуманитариев.

«Гуманитарии, как бы сказать, — это люди, которые могут анализировать ситуацию, но в силу сложности анализа им трудно принимать решения. Ну, настоящий гуманитарий не может сказать: «Я знаю, как надо», потому что – «с одной стороны, с другой стороны»».

Смыслы и мотивации

Исследование выявило три группы университетских гуманитариев, точнее, три варианта привнесения ими смыслов в собственную публичную деятельность.

1. Рыцари долга

Гуманитарии, которые видят в своей парапрофессиональной деятельности исполнение некоего «общественного долга». Исследователи меж собой иронично называли их «рыцарями долга».

Речь о довольно широко трактуемом «долге». Это «долг» по отношению к людям, к обществу, к стране и даже к власти. Долг интеллигента, долг ученого. Если сказать шире: долг гуманитария. В каком-то смысле и «гуманитарная деятельность» понимается некоторыми информантами, как исполнение вмененной, обязательной роли по отношению к «социальному целому». Используя элементы схожего дискурса, можно сказать, что парапрофессиональная деятельность для таких людей продиктована ценностной или этической мотивацией. Это те, кто стремится к принесению «общественной пользы», видя в этом определенный долг перед обществом. Вариации этой пользы (и долга) могут быть различными – от сдерживания глупости властей и участия в разрешении проблем общественной жизни до просветительской деятельности и даже работы на «смягчение нравов». Без особых натяжек можно назвать гуманитариев этого типа продолжателями ценностных традиций русской/советской интеллигенции.

Проиллюстрируем этот «типаж» обширными фрагментами из интервью, сознательно минимизируя какие-либо комментарии, предлагая обратить внимание на то, сколь часто звучит мотив некой дискомфортности, возникающей из-за того, что приходится отвлекаться от любимого дела (науки, образования) ради исполнения обозначенного долга.

«... для меня вот какая-то деятельность помимо университета, помимо студентов и помимо науки, причем науки, в идеале для меня, кабинетной. Вот. Это, скорее, что-то такое, что меня отвлекает, что меня из привычного, уютного и отлаженного мира выдергивает, вот, да. И это не то, к чему я стремлюсь. Ну, жизнь так складывается, что, в общем, что приходится это делать, что, ну, как бы сказать.... Это не кокетство, нет, я прекрасно понимаю, что это может быть целью, и целью очень хорошей, но для меня нет. Вот. Э-э-э-э, это приходится делать, потому что есть долг, есть какие-то такие еще вещи, да, но это не то, к

чему я бы стремился, так скажем, вот. Э-э-э, поэтому, но так складывается, что приходится этим заниматься и заниматься иногда много, по разным причинам».

«Я боюсь журналистов очень, а с другой стороны я не могу отказать им в интервью, потому что я понимаю – у них работа, они должны делать свое дело. И если они не могут делать свое дело без вот... Я должен им помочь, так как мы все взаимосвязаны, вот. Иногда все равно на этом несколько раз они меня сильно подставляли, но вот решить, как некоторые мои коллеги, «категорически не даю интервью журналистам», я не могу, вот, я не могу. И поэтому тут всегда со страхом смотришь, думаешь: «Чего же потом они там напишут такое или снимут». Вот, но деваться некуда». «Поэтому так получается, что проблематика, которой я занимаюсь, она вот все равно меня, так сказать, вытаскивает из моей академической среды, из того, чем мне хочется заниматься».

«... Ну, без ностальгии я не могу вспоминать. Были действующие (общественные) организации – по охране памятников, прежде всего. Люди остались, но собирать их вместе очень сложно. Все вроде бы налаживается, а потом опять рассыпается. Кто-то обещал и не сделал, не пришел раз, другой, потерялся. Все чаще чувствую себя одиночкой, что не нужно никому то, что я делаю. То есть вроде бы нужно. Все постоянно говорят, просят, созваниваются, но непосредственной работой приходится заниматься самому. Не думаю, что я хотел бы все это бросить, но это действительно отнимает очень, очень много времени. И всегда понимаешь, что никто этим заниматься, скорее всего, не будет, никто кроме меня. Это понимание конечно очень дисциплинирует, мобилизует».

«Поэтому так сложилось, что с одной стороны академический ученый, преподаватель, да, и очень хотел бы им оставаться, потому что это моё, это моё, это мне нравится, это хорошо, мне уютно. А с другой стороны вот эта сама э-э-э... долг, наверное, какой-то и характер профессиональных моих занятий, они вот выталкивают, что называется, на улицу. Вот. Э-э-э, не скажу, что я в торговле от этого, но с другой стороны, тоже много интересного всякого, вот, ну, так сложилось». Именно «рыцари долга» стремятся подчеркнуть связь своей парапрофессиональной деятельностью с направленностью своих профессио-

нальных (научных) занятий (забегая вперед, сразу скажем, что другие типажи это мало волнует).

«Ну, а потом, э-э-э, а потом выход мой за пределы моей профессиональной деятельности почти во всем обусловлен тем, той тематикой, которой я занимаюсь. Я занимаюсь проблемами мигрантов, проблемами национальных отношений, и это оказалась невероятно востребованная тема, и журналисты приходят каждый месяц практически с одними и теми же вопросами».

«В этих организациях меня уважали и уважают потому, что я специалист, профессионал в исследовании многих моментов исторического и культурного прошлого нашего региона. Для меня работа в этой сфере это естественное, логическое продолжение того, чем я занимаюсь всю жизнь, чем занимался мой отец. Я мог бы всю жизнь провести в кабинете, в архивах, в библиотеках, но как я буду полезен всем этим?»

2. Самореализация или экзистенциальные гедонисты

Чтобы не использовать многократно употреблявшееся понятие «самореализации», мы предлагаем пользоваться слегка ироничным понятием «экзистенциальный гедонизм». Речь идет о тех университетских гуманитариях, которые видят в своей деятельности за пределами университетских кафедр и аудиторий не столько выполнение «общественного» долга или реализацию профессиональных компетенций, сколько исполнение собственного личного «призвания». Это может представлять собой реализацию личных увлеченностей и амбиций, но, по сути, является способом извлечения удовольствия (отсюда словечко «гедонизм») от возможности заниматься тем, что действительно нравится, что любишь, что интересуется в первую очередь (отсюда тема «экзистенциальности» — максимальной приближенности к личностной неповторимости).

Вот большой фрагмент интервью с университетским доцентом, более известным в городе в качестве политолога (одним из немногих в городе кандидатом политических наук), но активно занимающимся тем, что когда-то могли назвать историко-просветительской деятельностью.

«То, чем я занимаюсь, должно быть интересно мне. Такая вот история – сосредоточенность на собственных интересах. Я считаю, что тогда это будет интересно другим. Да и проверено уже было сто раз. Вот, например, для иркутян, простых граждан, мы (наша организация организовали) совершенно уникальный ивент – «Прогулки по городу». Мне было это очень интересно. Я много лет назад выбрал жизнь в этом городе и никуда отсюда не уеду. И я хочу лучше этот город знать и понимать. Вот для таких, как я, которые хотят лучше знать и понимать свой город, мы и сделали эти «Прогулки». Сотни, если не тысячи людей, в них приняли участие. Прессу мы получили великолепную. Или, например, я заинтересовался «городскими головами». Кто и когда возглавлял Иркутск, мы ведь мало кого помним. Так получилась и книжка, и календарь с портретами и краткими справками. Книжка буквально разлетелась по читателям. Это все проекты, реализацию которых я считаю более, чем успешной. Они связаны с Иркутском, и они обращены к простым людям. Это их объединяет. Но еще их объединяет то, что за каждым из них стоял мой личный интерес. И я уверен, что они не были бы такими успешными, какими бы граждански-полезными они не были, если бы я так всем этим не интересовался».

Нарушив некоторые негласные правила социологического исследования, интервьюер поделился с информантом некоторыми предварительными выводами исследования – выводами о том, что часть университетских гуманитариев, занимающихся парапрофессиональной деятельностью, видят в этом реализацию некоего общественного (даже удачнее будет сказать – гражданского) долга. И попросил его сопоставить свой опыт, свои мотивации с этой «мотивационной моделью». Вот ответ: «Это точно не про меня. Никакого «долга» у меня нет. Хотя, конечно, я уважаю таких ответственных людей, все это «делай, что должен, и будь, что будет». Но мой случай – совсем другой. Мне просто нравится то, чем я занимаюсь. Я и студентов пытаюсь затащить в эту деятельность. При-

вожу их на «Голос»², чтобы они просто понаблюдали, чем мы там занимаемся. Никаких увещаний. Никаких призывов к спасению демократии в России. Никакого «вы должны». Просто пусть посмотрят и решат сами для себя, нужно им это или нет? Интересно им это или интереснее в клуб сходить, с друзьями повеселиться? А может быть в этой нашей деятельности можно будет друзей поинтереснее приобрести?»

Информантка, принимающая активное участие в издании достаточно серьезного журнала (градостроение, архитектура, городское искусство), обозначает собственные мотивации избрания жизненного стиля, который мы обозначили как «экзистенциальный гедонизм».

«... и журнал-то появился как раз потому что, мне надо было к чему-то приложиться, то есть так приложиться, чтобы мне это хоть какое-то минимальное удовольствие доставляло. Не могу сказать, что вся деятельность журнала мне доставляет удовольствие, потому что как всегда там обнаружилась какая-то черновуха. Типа, веди там, этот самый, отдел новостной, пиши там про всякие фестивали, про это, про все. Но это тоже не самое глупое. Это дает возможность смотреть, что делается в архитектурном мире, это новая область, с которой я вообще раньше никогда не сталкивалась. Теперь я понимаю, что это довольно забавная сфера профессиональной деятельности».

Интересны «возвышенные» определения собственной деятельности, которые дают сами информанты.

Работающая в редколлегии городского журнала:

« — То, чем вы занимаетесь, можно назвать публицистикой?»

- Нет, нет, по старым временам это можно назвать чем-то между теорией культуры и искусствоведением. Такая, пограничная зона, по нынешним временам — не знаю, я это называю «теория художественного восприятия».

² Ассоциация некоммерческих организаций «В защиту прав избирателей «Голос» — российская общественная организация. Основана в 2000 году. Декларируемая цель организации — защита прав избирателей

У ведущего радиопередачи о советской музыкальной эстраде:

«Я называю это «методология познания любовью». «Индивидуальность, — сказал Бердяев, — познается любовью, но не может быть познана до конца». Это и есть мой метод.... В чисто научном исследовании это невозможно, но вот в передаче это сделать можно. Это все осуществляется в других категориях — драма, трагедия, душа, судьба. Я работаю в этих категориях.

... Не было случая, чтобы я делал передачу о человеке, творчество которого не просто было бы мне неинтересно, творчество которого я не любил бы, которое не было бы дорого мне. Без этой любви никакого результата у меня не получится.... Мне человек должен быть чем-то дорог, чтобы передача о нем получилась. Она ведь не случайно называется «Мелодии моей души». Но я стараюсь это делать так, чтобы люди почувствовали, что это мелодия и их души».

А вот такая реакция на предложение затронуть тему «возмездности» собственной парапрофессиональной деятельности.

Информантка:

« — ... эта деятельность приносит...?»

- Она ничего не приносит, никакого дохода, абсолютно, никакого...

- ...но вы ведь работаете там?

- Ну, работаю там, да, это журнал вообще не денежный, это не коммерческий журнал, это проект, который делается на коленке, исходя из добрых чувств... Я с удовольствием зарабатывала этим, я с удовольствием преподавала бы в вузе, если бы мне это приносило хотя бы примерно столько денег, сколько я получаю в вузе. Это работа, которую я знаю, люблю, которую я делать умею, но потребности то в такой работе ни у кого нет».

Информант:

«Я уже много лет делаю эти передачи, и мне за них ничего не платят. Я не предлагаю, мне не предлагают. Ну и ладно. Хотя вот премия лучшего журналиста у меня есть, я стал членом союза журналистов.

Другая информантка (синтезируя раскрытые выше сюжеты):

«Я по натуре очень свободолюбивый человек. Вот мы эту школу создали, вообще с А.И. мы на пару ее создали, да, и здесь мы делаем, что хотим. То есть мы никому не нужны особенно, мы не перед кем не отчитываемся, это никому не надо сто лет. Все только думают: «Господи, сколько же они еще будут». А мы ловим кайф, понимаешь (смеется), потому что мы делаем то, что нам очень интересно... Свободы хочу, не хочу на совещания ходить бесконечные, не хочу бесконечные бумажки писать, понимаешь. Я лучше статью напишу там, сценарий и буду удовольствие получать от этого».

Интересно, что для одних информантов этого типа очень важно подчеркнуть, что их деятельность создает определенное сообщество. Для других важнее подчеркнуть строго атомизированный характер этой деятельности.

3. Сверхпрофессионалы

Кроме гуманистов и гедонистов, исследование выявило еще один тип университетских гуманитариев, занятых парапрофессиональной деятельностью. Нами предлагается именовать их «сверхпрофессионалами».

Это люди, гордящиеся тем, что обладают вполне востребованными на рынке «социогуманитарных услуг» сугубо профессиональными навыками, акцентирующие собственную конкурентоспособность, позволяющую им поддерживать достойный уровень материального существования независимо от бюджетных ставок в университете. Речь не только о тех, кто «работает на выборах», но и о тех, кто, по словам одного из информантов, способен жить «не на гранты, а на гонорары» от разного рода медийной и общественной деятельности.

Двое из троих «профессионалов» попросили нас не записывать разговоры с ними на диктофон, поэтому их общая характеристика содержится в предыдущем абзаце, а вот фрагмент интервью с третьим.

«... Избирательные компании, ну и еще разные дела, о которых не хотелось бы рассказывать. Знаешь, все в курсе, в каких вопросах я специалист, поэтому зовут и на лоббистскую всякую деятельность и на урегулирование межкорпоративных вопросов. Вообще звонят практически каждый день. То нужны какие-то

контакты, связи, то урегулировать, но добиться согласования. Я умею работать с людьми, умею с ними ладить.

Все этажи работы я выполняю с легкостью и интересом. Вот действительно, что угодно. Выработать стратегию компании, редактировать тексты для газеты, организовать телевизионный ролик, придумать дизайн плаката или листовки, поставить фото или съемку, отобрать слоганы или придумать их – я мастер на все руки можно сказать.

Программирующую аналитику я все-таки стараюсь не делать, стараюсь подбирать на это дело специалистов, однако общий контур замысла делаю все-таки я.

... Дом, кафедра – тут у меня все хорошо. Ничего нового и интересного там уже не возникнет. Даже если бы я хотел отдохнуть от всего, а очень часто хочется на все плюнуть, знаешь, что у меня и со здоровьем постоянно очень серьезные проблемы, но мне просто не дадут этого сделать. Звонки каждый день, предложения каждый месяц, советы какие-то каждую неделю».

Идолы востребованности

Тезис, который будет обсуждаться, видимо относится к тому ряду тезисов, которыми принято гордиться у социологов, исповедующих методики качественных исследований. В том смысле, что это результат, который едва ли мог появиться в предварительных гипотезах или как-то быть заложено в анкету.

Хотелось бы обратить отдельное внимание на тот факт, что для абсолютного большинства возрастных информантов было очень важно подчеркнуть, что практически вся их парапрофессиональная деятельность является откликами на поступающие им предложения. Звучал постоянный рефлексивный лейтмотив: «сам я ничего не предлагаю», «я бы мог, но сам я предлагать ничего не буду», «когда обращаются, то я рассматриваю». Бросается в глаза, что информантам важно подчеркнуть эту внешнюю по отношению к их деятельности инициативность в качестве свидетельства своей востребованности, а, значит, и качества выполняемой ими работы. Вот несколько характерных примеров в виде фрагментов из интервью:

«Я всего два раза в жизни предлагал в СМИ какие-то собственные тексты. Последний раз это было в 1993 года, когда я написал что-то по поводу расстрела Белого Дома и отправил в одну из городских газет. Кстати сказать, текст не напечатали. С тех пор не было ни одного случая, чтобы я что-то предложил. Все мои публикации, комментарии это отклики на предложения со стороны медийщиков. Разумеется, ни на какие экспертные мероприятия я не хожу без приглашения, вообще не обращаю внимание, если меня куда-то не позвали, а кого-то там позвали. Меня это не трогает, я только рад, что время сэкономилось. У меня и так дел полно».

« — Ну, я сам ничего не предлагаю, вот еще. Я и в жизни ориентируюсь на булгаковский принцип «ничего не просите, сами придут и помогут»

- Но, простите – предлагать это не просить, это все-таки разные вещи.

- Для кого как? Для меня это одно и то же. Я человек в своей сфере известный. Все про меня хорошо известно. Если я буду нужен, сами обратятся. Если нет, то и слава богу. Ну, может, с годами эта востребованность поуменьшится и я стану переживать по этому поводу. Но пока до этого явно далеко».

Самое интересное, что при всем этом у тех же самых информантов может звучать и своего рода недовольство (даже обиды) по поводу того, что та или иная деятельность оказалась неоплаченной, что обратились, не предлагая оплаты. И очень часто звучит мотив действительной обиды на то, что «мог бы и больше, мог бы и лучше», но ведь не нужно никому, никто не предлагает ничего. И вновь происходит акцентуация: сам я (первым) ни с какими предложениями выступать не намерен.

«Мне бы хотелось, конечно, чтобы моя работа была оплачена. Но она не оплачивается никогда.

Для многих информантов очень важна тема «востребованности в самореализации», достижение «признания в самореализации». Скажем прямо, слово «признание» информанты использовать явно смущаются, но вот слово «востребованность» возникает само собой.

Вот типичный пример такого рода суждений:

« — Я здесь (речь об университете) все, что я делаю на радио, не востребовано. Я вообще никакой востребованности не чувствую, никакой.

- А вы пробовали предложить это в качестве спецкурсов каких-нибудь?

- Нет, не пробовал. Я прекрасно знаю, что это не нужно, вообще никому не нужно. Понимаете, хочется ведь делать это все, когда это кому-то нужно. А здесь, в университете, это никому не нужно. Вот и приходится делать на стороне. Про спецкурсы я спрашивал и на другом факультете. Мне там сказали: «Обратитесь к NN». Ну, чего я к нему буду... я к нему нормально отношусь. Он, кстати, мой бывший студент, но он ведь не понимает ничего. Да и не нужно ему ничего.

- А на телевидении возникают предложения?

- Я не хочу сам (интонационно выделяет). Не хочу сам себя предлагать. Ну и там точно я бесплатно делать не буду, а они платить не хотят, им ничего не надо. Там все редакции упакованы. Ну как везде. Вот придите на любую кафедру, скажите: «Я – Белинский» Или: «Я Ключевский Василий Осипович, возьмите меня на работу». Вам скажут: «Спасибо, вы нам не нужны. У нас все кафедры упакованы Иванами Ивановичами». Редакции тоже упакованы, все сидят, все деньги распределены... ».

Те, кого мы определили в качестве сверхпрофессионалов, разумеется, акцентируют свои заработки. Называть суммы никто из них не стал, просто замечали, что эти суммы намного превышают средние заработки профессора или доцента университета.

Сложно сказать, насколько сами информанты ощущают определенное противоречие между двумя этими «блоками» — один из которых свидетельствует о высокой востребованности, а другой о недостаточной востребованности? Входить в сократический диалог с информантом с целью вывести его на чистую воду в его же собственных глазах — никогда не являлось задачей социального исследования.

Еще раз упомянем о своего рода «поколенческом» факторе. Информанты младше тридцати пяти не просто совершенно спокойно рассказывают о том,

как предлагали те или иные услуги тем или иным потенциальным заказчикам, но и также спокойно перечисляют случаи ответного непонимания, случаи отказов. Судя по всему, активная деятельность в жанре личных предложений является для них совершенно нормальным поведенческим образцом в сфере парапрофессиональной деятельности. Это нормальное свидетельство парапрофессиональной активности, компетентный парапрофессионал это тот, кому есть, что предложить на условном рынке такого рода услуг, кто активно занимается самопродвижением, а вовсе не тот, кто сидит и ждет предложений.

«Тем, кто ждет каких-то предложений, кажется, что их «покупают» за самую высокую цену. На самом деле все ровно наоборот. Только тот, кто сам идет на контакт, на переговоры, может повлиять на уровень оплаты своей деятельности. О тех, кто не суетится, довольно быстро забывают. Они потом еще и обижаются, что их никто не ценит. А почему, собственно, тебя должны ценить? Тот, кем ты сам себя возомнил, может существенно отличаться от того, кем ты являешься на самом деле».

Убеждения/мировоззрения. Давний тезис о высокой степени аполитичности провинциальных интеллектуалов подтверждается [Рогозин, 2009].

Четко обозначили свои политические убеждения всего четверо из наших информантов. Интересно, что убеждения эти совершенно противоположные и с весьма небезынтересными выводами, которые они делают, развивая тему своих убеждений.

Первый информант: «Если сказать просто, то я государственник. Я убежден, что без сильного и эффективного государства наша страна, если и не развалится, то точно не сможет никак развиваться. Я никуда отсюда не собираюсь уезжать. Про детей рассуждать не буду, это их выбор, но, конечно же, мне хотелось бы, чтобы они остались в России. И дети их детей, мои внуки».

Второй информант: «Как только я задумался о своих убеждениях, то сразу понял, что они просто классические либеральные. И никогда я не думал о том, чтобы что-то в этих убеждениях поменять. Меня и в городе знают как убежденного либерала. Если и зовут на какие-то путинские сходки, то тоже в этом каче-

стве. И еще хочу заметить, что я считаю себя европейцем. И когда я уйду на пенсию, я уеду из России».

Замечу, что последняя фраза прозвучала без какой-либо «смягчающей улыбки», судя по всему, это сложившееся решение и сам собеседник не видит никакого противоречия с общей направленностью своих убеждений. А также с тем фактом, что в стране, из которой он собирается уехать «на пенсии», он не «доживает время до пенсии», а занимается очень активной общественной и даже политической деятельностью.

Субъектность = гуманитарность

Как мы видели выше, в результате исследования сложился внутренне противоречивый, но по-своему целостный «треугольник гуманитаристики»: долг – самореализация – профессионализм.

Не вдаваясь ни в теоретическое абстрагирование, ни опять же в теоретические подробности, можно сказать, что этот треугольник отражает тройственность гуманитарной деятельности, существующей со времен античности и проходящей через всю ее долгую историю.

Одна из самых важных (ключевых) смысловых тональностей, которая возникла, когда информанты рефлексировали по поводу своей парапрофессиональной деятельности, перекликается с достаточно традиционным толкованием гуманитарности, восходящей к временам еще «возрожденческого гуманизма». Это понимание гуманитарности как самосубъектности. Гуманитарность, наряду с потребностями и способностями человека выступают субъектом собственного существования, осуществляют некое жизнетворчество. Все это вместе образует вполне целостную жизненно-стилевую стратегию, которая может быть обозначена как гуманитарная сама по себе и при этом как скрыто-предполагаемая цель гуманитарного образования.

Это, наверное, и составляет парадоксальную сущность парапрофессиональной деятельности университетских гуманитариев. Будучи гуманитариями, они не имеют возможности реализовывать ключевую гуманитарную потребность в собственной профессиональной деятельности, которая, как и положено, регла-

ментируется большим количеством правил, нормативов, ритуалов (коллективных и ориентированных на индивида), то есть представляет собой некую совокупность институтов или систему, воспроизводящую достаточно жесткие ограничения/правила. И потому гуманитарный стиль существования, его внутренние ценности и внешние проявления, оказывается возможным именно в парапрофессиональной деятельности, во внеуниверситетской сфере.

Это может пересекаться со «свободным действием субъекта, осуществляющим критическую функцию в обществе на основе профессиональной компетенции» [Подорога, 2010, с.11] как это происходит в случае с гуманитариями долга. Это может выражаться в высокооплачиваемой деятельности гуманитариев-сверхпрофессионалов. Это может происходить как некое житнетворчество в общественном пространстве, как мы наблюдаем это в случае с гуманитариями – экзистенциальными гедонистами.

Библиографический список

1. Батурин В. К. Социология образования. М.: Юнити-Дана, 2011. 191 с.
2. Борисенкова А. В., Вахштайн В.С., Железов Б. В., Горбунова Е. М., Мешкова Т. А. Актуальные вопросы развития образования в странах ОЭСР. М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2005. 120 с.
3. Вахштайн В.С., Константиновский Д.Л., Куракин Д.Ю. Качественное образование: доступность и региональная политика // Социальная политика в современной России: реформы и повседневность / под ред. П. Романова, Е. Ярославской-Смирновой. М.: ЦСПГИ, Вариант. 2008. 465 с.
4. Девятко И. Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: Изд-во ИС РАН, 1996. 172 с.
5. Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999. 384 с.
6. Подорога В. А. Апология политического. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 288 с.

7. Рогозин Д. Мировоззренческие неответы интеллектуалов // Пути России: Современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения / под ред. М.Г. Пугачевой, В.С. Вахштайна. М.: Университетская книга, 2009. С. 520-534.